

АБСТРАКТНАЯ НЕНАВИСТЬ И ЖЕЛАНИЕ ПРАВИТЬСЯ

Дмитрий Бутрин

Дмитрий Бутрин — заведующий отделом экономической политики газеты «Коммерсантъ», ведущий колонки на Inliberty.ru

Идемократические, и авторитарные режимы характеризуются неприязнью между средними и низшими слоями общества и его элитой. Но если природа неприязни в демократическом обществе — это конкуренция, то природа неприязни между социальными стратами в авторитарном обществе иная. В данном случае общество отвергает те институты и тот стиль жизни, которые предлагает элита.

Элита в России оторвана от общества, но при этом она берет на себя право предлагать институты. Однако беда заключается в том, что элита эти институты выдумывает. И эти выдуманные институты, как правило, не приживаются. Особенностью России является тот факт, что у нас довольно часто придумывают институты, которые потом может и приживаются, но работают совсем в другом качестве.

Российское общество не отвергает стиль жизни, который предлагает ему элита. Оно с

удовольствием бы ему следовало, но в отличие от элиты, общество в России бедное. Если проанализировать состояние различных социальных страт РФ, то в секторе застойной бедности наблюдается вполне четкое копирование элитного образа жизни в той же самой форме, но «за 15 копеек». Хотя в стратах, где подавляющая часть общества относится к среднему классу, все гораздо сложнее. **В России до сих пор существует два средних класса — это старый советский и новый не-советский средние классы.** Старый советский средний класс не копирует стиль жизни элиты. Он обладает собственными ценностями и собственным стилем жизни. Что касается нового не-советского среднего класса, то он еще не определился, изобретать ли ему собственный стиль жизни или попытаться копировать стиль жизни элиты.

Последнее связано прежде всего с тем, что даже новый не-советский средний класс унаследовал еще с советских времен неприязнь к элите, к той ее части, которую составляют государственные топ-менеджеры. Наименее всего эта неприязнь сильна в беднейших, маргинализованных слоях, чем и вызвано подражание этих слоев стилю жизни элиты. Подобные различия связаны с различной информированностью различных слоев о том, что происходит в стране. Средний класс более информирован о состоянии России, беднейшие слои информированы менее. Соответственно, средний класс более неприязненно относится к элите, а маргиналы — менее неприязненно.

Ненависть к государственным топ-менеджерам — это в значительной мере российская специфика. Она связана с авто-

кратическим и тираническим характером советской власти. И данная ненависть автоматически сохранялась в течение прошедших десятилетий. Грубо говоря, как начальников не любили при советской власти, так не любят и сейчас. Для продуцирования этой нелюбви не нужно предпринимать никаких специальных усилий, достаточно лишь сохранять ту нелюбовь к начальникам, которая была характерна для граждан России на протяжении последних пятидесяти лет.

Теоретически подобная нелюбовь к элите может стать основой нового социального консенсуса. Но, на практике, чем более многочисленными являются те, кто должен заключить новый консенсус, тем более абстрактна ненависть, которую они испытывают к элите. Я все время обращаю внимание на сценарий иранской революции 1979 года, движущими силами которой на самом деле одновременно выступали и прогрессистские, и фундаменталистские круги. Говорить об альянсе этих кругов невозможно, но действовали они в одной фазе. Им удалось совместными силами успешно свалить режим шаха. А то, что к власти пришел аятолла Хомейни, а не прогрессист — это судьба. Возможен ли у нас подобный сценарий? Теоретически возможен. На практике же нынешний режим России достаточно стабилен. Но стабилен он в настоящих экономических условиях, а какие потрясения готовит нам будущее, никто не знает.

Для предотвращения подобных потрясений, нынешняя российская власть пытается вернуть себе доверие народа. Более того, большая часть действий верхушки российской властной элиты объясняется

именно желанием понравиться всем, кому можно понравиться, и кому понравиться нельзя. Стремление вернуть себе доверие является одной из ведущих сил российской власти и движущей силой российских реформ. Более мощной силы движения российских реформ едва ли можно представить, если не считать иррационального стремления к добру и справедливости, как его понимают эти самые элиты.

(Впрочем, вернуть любовь и доверие народа можно было бы и более простым путем. Для этого необходимо подвергнуть аресту и справедливому судебному разбирательству примерно 80—90 человек. Для остальных десятков тысяч человек российских чиновников, это послужило бы хорошим уроком. К сожалению, эти люди —

«символы российской государственности».)

Считается, что нынешнее российское общество деполитизировано. Но это не так. Пассивность и покорность, присущая российскому обществу, не является признаком деполитизации. Скорее наоборот. Отечественное общество достаточно сильно политизировано, но его политизация направлена на интерес к околополитическим событиям, что естественно для страны, которая не так давно сменила политический строй. В меньшей степени его политизация направлена на интерес к политическим действиям. Тем не менее, интерес к неполитическим действиям достаточно силен. Это общий тренд, который очень мало зависит от того, кто у власти. Грубо говоря, прощанство, которое постепенно

осваивается обществом, осваивается им быстрее, чем успевают разрастаться власти. У власти, конечно, длинные руки, но они просто не дотягиваются до всего, что может вдруг появиться. Мир растет быстрее, чем власть успевает до него дотянуться и схватить. Количество того, что нельзя, в мире постоянно сокращается, хотя бы потому, что постоянно появляется что-то новое.

Одним из таких мест появления новаций, недоступных для государства, может стать Интернет. Но российское общество получило Интернет в массовом количестве всего три года назад, и новые пользователи должны потратить какое-то время для того, чтобы освоиться. ■

*Специально
для Ярославского Форума*

ПЛОХИЕ И ХОРОШИЕ

ЧЖИЮЭ БО — профессор Института Восточной Азии Национального университета Сингапура, автор книги «Элитарная политика Китая».

Специально для Ярославского Форума

Если говорить о Китае, то в стране нет никакого отторжения обществом всего, что сопутствует элитам: институтов, стиля жизни, практик поведения и т.д. Скорее **есть вера в то, что существует два вида элит: плохие и хорошие. Китайцы склонны считать, что местные элиты — плохие, а национальные — хорошие.** Многие прикладывают огромные усилия для того, чтобы поехать в столицу, Пекин, рассчитывая добиться там «подлинной» справедливости. Эти люди считают местные элиты плохими потому, что от них пострадали. Но они все-таки надеются на то, что президент Ху Дзиньгао и премьер Вэнь Цзябао — добрые люди, так как они не раз проявляли участие к судьбам малоимущих.

Недовольство элитами не обязательно связано с классовой принадлежностью. Если человеку есть, что терять, ему есть, на что жаловаться. Представители среднего класса тоже могут стать

жертвами вредных пищевых продуктов, ухудшения окружающей среды и социальной несправедливости. **Ненависть в Китае пока направлена не против всей системы, а против отдельных лиц, особенно — на местном уровне.**

Нет в Китае и ответной ненависти элит по отношению к обществу. Китайские элиты точно также жалуются на систему, например, на отсутствие свободы выражения, отсутствие мобильности, отсутствие полного доступа к информации. Некоторые из них сотрудничают с международными организациями в целях улучшения ситуации.

Мне не кажется, что в Китае недовольство элитами может привести к каким-то радикальным действиям, наподобие тех, что мы видели в Тунисе и Египте. **В Китае есть элементы ненависти, но нет организованной оппозиции. Ненависть китайцев не системна, она зависит от конкретных ситуаций.**

Если же говорить о революциях в Африке и на Ближнем Востоке и пытаться извлечь из них какой-то урок, то этот урок, в случае Туниса, заключается в следующем: несмотря на быстрый экономический рост, неравенство в доходах может стать причиной нестабильности. В случае Египта, урок в том, что высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, может привести к серьезным проблемам. ■